Научная статья

УДК 821.161.1-3 Рубина + 316.334.56 + 159.953 + 94(470.4/5)

DOI 10.15826/izv1.2022.28.3.052

ГОРОДА СОВЕТСКОГО ВОСТОКА В ПРОЗЕ ДИНЫ РУБИНОЙ

Анель Еркеновна Кожабергенова

*Университет им. Э. Лоранда, Будапешт, Венгрия,
anelec@mail.ru*

А н н о т а ц и я. Статья посвящена анализу городского пространства в художественном произведении как важного элемента нарратива, благодаря которому становится возможно более полное понимание сюжета, внутреннего мира персонажей и даже самого автора. Советские города в современной русской литературе, находясь на границе между историей и ностальгией, фактом и вымыслом, также играют свою определенную роль в повествовании. В данной статье на примере прозы Д. Рубиной мы проследили, как автор создает ностальгический образ города в художественной литературе и какую роль писательница отводит городам советского востока в своем творчестве. Для этого мы провели сравнение двух городов в романах Д. Рубиной: Ташкента в романе «На солнечной стороне улицы» и Алма-Аты в трилогии «Русская канарейка». Выбор городов основан на их географической близости, принадлежности к одной культуре и одному временному периоду. Проводя сравнение городских пространств Ташкента и Алма-Аты, мы акцентировали наше внимание на природе городов, восточной специфике и использовании в романах городских топонимов. Помимо пространственных характеристик мы попытались проследить, как меняется мотив города в контексте повествования. Результаты проведенного исследования показали, что несмотря на то, что образы городов могут быть раскрыты по-разному, в творчестве писательницы города советского востока в первую очередь являются местами воспоминаний персонажей о детстве и юности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: город; городское пространство; память; ностальгия; Алма-Ата; Ташкент; проза Дины Рубиной; советский восток

THE SOVIET EAST CITIES IN THE PROSE OF DINA RUBINA

Anel Y. Kozhabergenova

*Eotvos Lorand University, Budapest, Hungary,
anelec@mail.ru*

A b s t r a c t. The article is devoted to the analysis of urban space in a work of fiction as an important element of the narrative, thanks to which a more complete understanding of the plot, the inner world of the characters and even the author himself becomes possible.

© Кожабергенова А. Е., 2022

Soviet cities in modern Russian literature, being on the border between history and nostalgia, fact and fiction, also play a certain role in the narrative. In this article, using the example of prose of Dina Rubina we tried to track down the way the author creates a nostalgic image of the city in fiction and what role the writer assigns to the cities of the Soviet East in her work. To do this, we will compare two cities in D. Rubina's novels: Tashkent in the novel "On the sunny side of the street" and Almaty in the Russian Canary trilogy. The choice of cities is based on their geographical proximity, belonging to the same culture and the same time period. Comparing the urban spaces of Tashkent and Almaty, we focus our attention on the nature of cities, eastern specifics and the use of urban toponyms in novels. In addition to spatial characteristics, we will try to trace how the motif of the city changes in the context of the narrative. The results of the study showed that despite the fact that the images of cities can be revealed in a striking way, in the writer's work, the cities of the Soviet East are primarily places of characters' memories of childhood and youth.

К е у в о р д с: city; urban space; memory; nostalgia; Alma-Ata; Tashkent; prose of Dina Rubina; Soviet East

Городское пространство в художественном произведении всегда находится в отношениях взаимозависимости с персонажами, событиями и вещами, они дополняют и обуславливают друг друга, а также каждый из них способен приобретать новые черты, качества по желанию и нуждам автора. Это все делает возможным переход «a realibus ad realiora, преосуществление материальной реальности в духовные ценности» [Топоров, с. 7]. Таким образом, через городское пространство писатель в художественном произведении способен транслировать разные сообщения и смыслы, и город в художественном произведении перестает быть просто фоном, но обретает собственную определенную роль в повествовании.

Исследователи городского пространства в современной литературе стали обращать внимание на творчество писательницы Дины Рубиной (см., например: [Зиятдинова, 2015; Иванова, 2018; Серго, 2007]) по той причине, что ее проза охватывает широкую географию: Париж, Прага, Вена, Венеция, Лондон, Нью-Йорк, «острый, как красный перец в глотке, Иерусалим» [Рубина, 2020а, с. 181] и др. Автор не обходит вниманием и советские города, в частности города советского востока: Ташкент в романе «На солнечной стороне улицы» [Рубина, 2008] и Алма-Ата в трилогии «Русская канарейка» [Рубина, 2020а, 2020б, 2020в].

Воссоздавая образы советской повседневности, автор так или иначе вторгается в сферу воспоминаний, культурной памяти и ностальгии. Современная российская исследовательница Э. Шафранская видит причину обращения современных авторов к советскому востоку в стремлении сохранить образ своей «малой родины» и воплотить ее в литературных образах и сюжетах, «оставить в "семейном альбоме" культуры слепок былой цивилизации» [Шафранская, 2020, с. 39]. «Постсоветский период вызвал на бывшем пространстве империи мощные миграционные процессы. По разным причинам люди, кто вынужденно, кто добровольно, теряли

свою родину — одни уезжали, от других “уезжала” родина <...> Писатели как бы прощаются с городом своего детства, юности и даже зрелости» [Шафранская, 2020, с. 39]. В данном случае это утверждение можно считать справедливым по отношению к роману Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы», но не к трилогии «Русская канарейка». Ташкент — родина Д. Рубиной, в этом городе она родилась и прожила 30 лет до своей эмиграции в Израиль [Рубина]. В Алма-Ате Д. Рубина, как признается сама писательница, никогда до написания романа не была, «хотя конечно, много читала и слышала об этом незаурядном городе» [Бурдин]. Тем не менее в обоих случаях автор работала с воспоминаниями жителей двух столиц бывших социалистических республик. В создании образа Ташкента в романе «На солнечной стороне улицы» автор использует свои собственные воспоминания и дополняет их собранными ею воспоминаниями других бывших жителей советского Ташкента [Шафранская, 2010]. Для создания образа Алма-Аты в трилогии «Русская канарейка» автор использовала различные информационные источники — карты и воспоминания жителей города, «причем нескольких коренных обитателей данного города, ведь известно: у каждого человека вырабатывается с годами свой взгляд и воспоминания о родном городе — своем, личном, всегда ином, чем у других» [Бурдин].

Работая с воспоминаниями, автор выходит за рамки простой реконструкции прошлого, создает новый мир, воплощающий ностальгические мифы. Ностальгия — это не только воспоминания о прошлом, но эмоционально окрашенное виртуальное погружение в прошлое, которое связано не с «сухими» фактами, а с близкими к биографическому опыту переживаниями и устными историями [Абрамов, 2012]. Тем самым ностальгия способна превратить историческое время в мифологическое пространство, наполнить его смыслом. Современная исследовательница С. Бойм связывает ностальгию с утопией и мифом, определяя термин «ностальгия» как «тоску по дому; часто это тоска по метафорическому дому, которого больше нет или, может быть, никогда и не было» [Boym, 1994, p. 284]. Исследовательница выделяет два вида ностальгии — утопическую и ироническую. Первый вид относится к коллективной памяти, в то время как второй — более индивидуальный [Там же]. В то же время С. Бойм отмечает, что в некотором смысле ностальгия всегда утопична, так как направлена на поиск места, которое нигде не существует (даже если мы вернемся на родину, это будет не то же место, где мы жили в прошлом: помимо пространства изменились и мы сами, и люди вокруг нас). Ностальгия — это утопия, обращенная не в будущее, а в прошлое [Там же]. Также связывает ностальгию с утопией и О. Шабурова, отмечая, что «...ностальгия оказывается чрезвычайно сложным состоянием, соединяя в себе утопию совершенно особого рода, назовем ее утопией с обратной проекцией, и она же представляет цельный мифообраз, так называемый ностальгический миф. Как утопическая структура, ностальгия явлена своим обращением и к месту, которого уже нет, и ко времени, которого уже нет. И одновременно ностальгия предстает как живой и теплый клубок мифов...» [Шабурова, 1996, с. 45]. Следовательно, можно предположить, что города советского прошлого в художественной литературе,

построенные на личных воспоминаниях автора или на рассказах современников и очевидцев, оказываются на границе между реальностью и фантазией, настоящим городом и утопией. Тогда автор уже не просто повествует о городе и не просто описывает его, но создает свое собственное мифологизированное пространство, которому определяет особенную роль в повествовании.

В данной статье мы попытаемся проследить, какую роль отводит Д. Рубина городам советского востока в своей прозе. Для этого мы проведем сравнение двух городов в романах Д. Рубиной: Ташкента в романе «На солнечной стороне улицы» [Рубина, 2008] и Алма-Аты¹ в трилогии «Русская канарейка», состоящей из трех романов — «Желтухин» [Рубина, 2020а], «Голос» [Рубина, 2020б] и «Блудный сын» [Рубина, 2020в], из которых, однако, Алма-Ате посвящена лишь первая часть трилогии — роман «Желтухин». Выбор городов основан на их географической близости, принадлежности к одной культуре и одному временному периоду — оба города, описанные в романах Д. Рубиной, относятся к так называемому советскому востоку. Кроме того, в советский период Ташкент и Алма-Ата были столицами Узбекской ССР и Казахской ССР соответственно.

В первую очередь следует выделить в романах Д. Рубиной связь городов с природой. Оба города не противостоят природе, но сливаются с ней, о чем свидетельствуют множественные описания деревьев, рек, озер, гор, находящихся в черте городского пространства или рядом с ним. Например, главным деревом Ташкента в книге Д. Рубиной становится чинара. «Высоченные» кроны чинар над головами персонажей «сплетаются <...> в зеленый солнечный тоннель» [Рубина, 2008, с. 12], и, поднимая голову, герои обязательно натываются взглядом на «эти сквозистые кроны чинар, погруженные в глубину неба» [Там же, с. 13]. Между тем Алма-Ата засажена тополями: это и серебристые тополя «с большими, в две женские ладони, плескучими листьями», и прямые темные пирамидальные, «с недовольным вороньем в кронах» [Рубина, 2020а, с. 31]. Тополя выстраиваются вдоль дороги, по которой герои идут в школу, и высются в проеме школьного окна: «...осенью желтые-желтые, как Желтухин Третий, в мае — сначала зеленоперье, сквозистые, потом облитые серебристым трепетом беспокойной лохматой листвы, от которой по парте мечутся ушастые солнечные щенки» [Там же, с. 346].

В природе Алма-Аты важное место занимают горы: «...близкие горы, будто оправдывая свое название — Алатау, “пестрые”, — принакрылись ворсистым густотканым ковром, с бесчисленными оттенками желто-багряных, пунцовых, ржаво-золотых кустов и деревьев» [Там же, с. 49]. Важный локус Алма-Аты — спортивный комплекс «Медео», где герои романа катаются зимой на коньках, также находится высоко в горах. Автор не обходит вниманием и горы Чимган в пригороде Ташкента, куда персонажи едут, чтобы «вдохнуть весны», и куда летом отправляются в поход: «А помнишь ты, ироничная старая дура, как с вечера вы поставили палатку, а утром ты первая вышла и замерла: весь склон горы

¹ В романе использовано старое написание топонима, употреблявшееся в советский период истории города. Новое написание топонима — Алматы.

перед тобой пламенел алым, и только что взошедшее солнце накаляло этот цвет до нестерпимого радостного вопля, который зрел-зрел, и вдруг вырвался на волю из твоей вечно ангинной глотки?.. И это маковое поле, и горы с альпийскими лугами, и цветы, высотой с тебя, десятилетнюю, это и есть, — ироничная старая дура, — это и есть счастье твоей жизни...» [Рубина, 2008, с. 119].

Но в качестве главного символа Алма-Аты автор выбирает не деревья, не горы и не протекающую по городу реку Большая Алматинка, а яблоки. С яблоками в первую очередь связывают топоним города — Алма-Ата². Э. Шафранская называет Алма-Ату «яблонным» или «яблоневым» местом [Шафранская, 2020]. Сама Д. Рубина пишет следующее: «Апорт называли символом Алма-Аты: яблоко весило чуть не килограмм. Гигантские, круглые пахучие плоды, красно-полосатые от малинового до бордового, с зеленоватой кисло-сладкой сердцевинкой — они до февраля могли храниться просто в серванте. <...> На вокзалах апорт ведрами выносили к поездам, ведрами продавали на подходе к базару; золотисто-малиновыми курганами пузатились прилавки фруктовых рядов на Зеленом базаре» [Рубина, 2020а, с. 32–33]. Но в романе «Желтухин» яблоко как символ казахстанской столицы не выходит за пределы физического присутствия: яблоки заполняют прилавки базаров, яблони растут на центральной улице города вдоль арыков, «роняя в воду плоды» [Там же, с. 33], автор «наполняет город яблоневым ароматом» [Ланге, с. 90], а героиня романа Айя проводит практически все свое детство в апортовых садах. Яблоко становится символом детства для Айи, выполняя таким образом роль устойчивой ассоциации с городом ее детства, но и только.

В свою очередь, Ташкент Д. Рубиной — это «город солнца» [Зуева, с. 91]. В рецензии на роман «На солнечной стороне улицы» книгу называют «гимном Солнцу» [Юдсон]. К. Н. Паранук отмечает: «Примечательно, что главным эпитетом, пронизывающим весь роман и относящимся непосредственно к городу, является — солнечный. Солнце — это то, что спаяло, слепило, смешало, как глину, героев романа, сформировало их судьбы. Всех их вспоило и обнимало солнце, отпечатавшее жгучие поцелуи на их облупленных физиономиях <...> “Все мы были дети солнца”, — утверждают герои романа» [Паранук, с. 94].

Солнце Ташкента также символизирует свободу, сплочение, спасение. Ташкент Д. Рубиной — это город-прибежище. Одни герои попадают в Ташкент в военное время, в частности, героиня романа Катя Щеглова, другие — как, например, часовщик Семипалый — приезжают в Ташкент уже после войны. Таким образом, применяемый автором к ташкентскому солнцу эпитет «щедрый» обозначает готовность города принять в свое пространство всех: «озябших, голодных и гонимых, для усталых разбойников, для раскаявшихся губителей, для затаившихся палачей, для доживающих жертв...» [Рубина, 2008, с. 113], «офицеров русской армии Кауфмана», детей киевских, одесских и «прочих коммерсантов», не сумевших пробить «Московско-Питерскую стену», отсидевших срок ссыльных, «которым заказано было вернуться в столицы», и просто нормальных грамотных людей,

² «Алма» в переводе с казахского языка — яблоко.

занесенных сюда «ветрами исторических потрясений» [Рубина, 2008, с. 191]. Кроме того, солнце становится своеобразным символом свободы от давления идеологии: «...в Ташкенте как-то было... легче жить... Мы меньше боялись... Может, солнца было много, а в нем ведь, как теперь выясняется — серотонин содержится, да? — ну, тот гормон, что лечит страх, облегчает сердце...» [Там же, с. 66]. «А чего стоит тот изумительный случай на районном конкурсе песенных коллективов, приуроченном к столетию вождя, когда, после особенно потрясающего исполнения нашим школьным хором козырной “Песни о Ленине” — (Ленину слаааааааааава!!! Партии слааааааааааава! Слава в векаааааааааах...) — Роберто Фрунсо выскочил на сцену в своем прорезиненном плаще и, ко всеобщему ужасу, торжественным теноровым речитативом прокричал в направлении жюри: “Как-то Надя! хохмы ради! Ильичу! давала сзади!”... И что? Да ничего, просто вывели из зала... Возможно, он и отсидел 15 суток за хулиганство в общественном месте, подкормился маленько... Как могло случиться, что этот полусумасшедший человек годами и даже десятилетиями свободно разгуливал по улицам и говорил, что бог на душу положит? Ташкент, Ташкент... теплый климат, щедрое солнце, растопляющее страх...» [Там же, с. 115].

Оставаясь по своей культуре все-таки восточными городами, Ташкент и Алма-Ата в романах Д. Рубиной наделены различными восточными атрибутами. Здесь следует выделить арыки и базары как специфику восточных городов. Базар исследователи считают наиболее характерной «метой востока» в произведениях Д. Рубиной: «Базары и гастрономия — конек Рубиной, с одной стороны; с другой — одна из содержательных ниш локального текста» [Шафранская, 2020, с. 173]. В романе «На солнечной стороне улицы» Алайский базар занимает одно из центральных мест в создании образа Ташкента. Алма-Ата тоже имеет базары, «те самые, что “визитная карточка Востока”» [Там же, с. 173]. В романе «На солнечной стороне улицы» также упоминаются чайхана, чалма, тубетейка, чапан, плов, гашиш, паранджа и др. В романе «Желтухин» автор описывает проведение казахского национального свадебного обряда «беташар» [Рубина, 2020а].

Оба романа пестрят различными названиями улиц, местечек, районов, достопримечательностей, памятников и т. д. Например, в Ташкенте это: сквер Революции, монумент «Мужество», Тезиковка, улица Карла Маркса, сквер Гагарина, Салар, Чиланзар (район Ташкента), Бешагач, Бричмулла, Чимган, Алайский, Госпитальный, Фархадский, Туркменский базары, Дом знаний, Окружной дом офицеров, парк Тельмана, «Публичка», Кашгарка, Театр оперы и балета имени Алишера Навои, улица Навои, Исторический музей, Шейхантаур, ТЮЗ (театр юного зрителя).

В трилогии «Русская канарейка» также использовано много топонимов Алматы: Медео, улица Абая, проспект Ленина, Татарка, Малая Станица, улица Горького, Тастак, Парк культуры и отдыха имени Горького, Государственный музей искусств имени Абылхана Кастеева, Дворец пионеров, река Большая Алматинка, Большое Алматинское озеро, Алатау, улица Басенова, улица Джамбула, улица Березовского, Барахолка, улица Рыскунова, проспект Аль-Фараби, Кенсайское

кладбище, гостиница «Казахстан», Зеленый базар, Экспериментальная база и др. Возможно, что именно активное обращение с топонимами позволяет Д. Рубиной создавать узнаваемые городские образы.

Приведенное выше сравнение показывает, что пространственные характеристики городской среды в романах Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» и «Желтухин» в значительной степени схожи между собой. Тем не менее городское пространство тесно связано и со временем, которое выражается в различных социальных, культурных событиях, природных катаклизмах, реакциях на мировые исторические потрясения, жизни его жителей и т. д. Согласно М. Бахтину, пространство не может существовать без связи со временем: «Оно втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин, с. 235]. В представленных романах время в городах движется и изменяется вместе с жизнями главных персонажей.

Роман «На солнечной стороне улицы» отличается нелинейной структурой повествования, тем не менее хронологию сюжета отследить вполне возможно. Сюжет начинается с приезда в столицу Узбекской ССР эвакуированной из блокадного Ленинграда девочки Кати Щегловой, для которой город становится спасением от войны и от голода. Детство Кати приходится на голодное военное время, которое воспитывает в девочке только инстинкт к выживанию и добыче. «Недавно Катя видела женщину, у которой беспризорники вытащили карточки на месяц. А месяц ведь только начался! Та сидела на крыльце булочной и выла, как бешеная собака, и кусала свои руки с такой силой, что по ним уже и кровь лилась. Люди толпились вокруг, жалели, конечно, но чем тут поможешь?.. Не будь растяпой...» [Рубина, 2008, с. 17]. Все существо Кати, «искореженное детским голодом и страшными смертями близких», было устремлено только к одному — добыче [Там же, с. 64]. В мире для девушки не существовало ни добра, ни доверия: «Буфетчица обмотана крест-накрест оренбургским платком и точно таким же платком обмотана ее толстая дочь-даун, Катиного возраста. Она все время смотрит на Катю сонными добрыми глазками... Наверное, жрет с утра до вечера, вот и добрая, вот и спать хочется... Этих всех, добрых, Катя ненавидела особенно: если добрая да улыбается, значит, уж точно что-то у меня украла...» [Там же, с. 16]. По мере истории взросления Кати все сильнее раскрывается образ города-прибежища, куда съезжаются самые различные персонажи: беспризорники, нищие, сумасшедшие, бывшие заключенные, эвакуированные профессора, солдаты, вернувшиеся с войны, и т. д. Далее фокус зрения перемещается на историю дочери Кати — Веры. Жизнь Веры проходит уже в послевоенное время и представляет иной, отличный от Катиного способ существования в городе, другое его восприятие. Образ города-прибежища постепенно сменяется городом-Вавилоном, где помимо простого выживания есть место для любви, знаний, творчества. Так, в отличие от Кати, в Верином детстве есть место любопытству и разным детским желаниям: «Если не садиться в трамвай, а идти пешком через Сквер <...> разглядывая жизнь вокруг себя, то хочется сразу всего и много: погадать у цыганки;

полизать эскимо; погладить переливчато-синюю спинку Ильи Ивановича (“Давай-давай, топай отсюда <...> Ишь, все за бесплатно птицу помазать норвоят!”)» [Рубина, 2008, с. 121].

В то время как жизнь Кати проходит практически в абсолютном одиночестве: у нее нет друзей, она никого не любит и никому не доверяет, Вера сама находит себе семью. Она знакомится с Мишей Лифшицем, который берется за ее образование. Он объяснил ей азы алгебры, научил писать сочинения по «советской схеме», но после написания такого сочинения объяснял суть рассказа или повести, которая не совпадала с описанной в учебнике [Рубина, 2008]. Также Вера знакомится и с молодым художником Стасиком, который подталкивает ее к тому, чтобы поступить в художественное училище, становится ее первой любовью и расширяет круг ее общения. С появлением Стасика дом Веры стал постоянным местом шумных застолий и вечеринок. К ним приходили компании человек по восемь-десять — художники, журналисты, студенты консерватории, редактор издательства имени Гафура Гуляма, «начитанные и высокомерные девочки-филологички», престарелый поэт Адольф Минков, заочные воспитанники Брэгга, последователи йоги, кухонные певцы и прочие незаурядные личности [Рубина, 2008]. «За эти месяцы, как потом вспоминала Вера, было прочитано, вернее, проглочено, невероятное количество книг, которые приносились за пазухой, в брюхатой глубине портфелей, являлись в качестве толстой пачки перепечатанных бледных копий. Читать их надо было за ночь, а прятать — в кухне за батареей» [Там же, с. 33].

Землетрясение 1966 г. делит жизнь города и Веры на «до» и «после». Для Веры Щегловой заканчивается ее «бродяжье детство» и начинается взрослая жизнь, чередующаяся обретением и потерей дорогих ей людей. Город после землетрясения теряет свой прежний облик и превращается в «памятник дружбы народов»: «Впервые я столкнулась с ними лет в двенадцать, как раз в год знаменитого Ташкентского землетрясения, замечательного советского хепшенинга, в результате которого на месте Ташкента — обаятельного и человеческого города — возник мраморный халифат всех времен и народов» [Там же, с. 149].

Наконец эпоха «Вавилона» постепенно подходит к концу и заканчивается тогда же, когда обе героини покидают город: Вера отправляется в новую жизнь в Америке, а Катя — в мир иной. Таким образом прекращает свою жизнь странная цивилизация, «...которая короткое время по ряду сошедшихся причин существовала в некоем месте, в Средней Азии... И исчезла!» [Там же, с. 209]. Исчезновение города происходит не в физическом плане, потому что он продолжает существовать и по настоящее время, но исчезает именно советский Ташкент, со своей уникальной атмосферой. «Двадцать лет спустя после отъезда я оказалась в Ташкенте по служебным делам. Как и предполагала, с первых же минут, уже в аэропорту, пахнула мне в лицо застылая в воздухе отчужденность. Из огромного мира Города, моего города... остались несколько человек, застрявших здесь по разным невеселым причинам — так застревает на скале альпинист, угодивший ногой в расщелину. Переименованные улицы, однообразная монголоидность лиц вокруг, забытое ощущение собственной детской потерянности... Я смутно

узнавала какие-то перекрестки, но, как бывает во сне, не могла вспомнить — что здесь со мной происходило, кто здесь жил за углом, и почему так случилось сердце при взгляде на гигантский платан у ворот того особняка? Поворачивала за угол и оказывалась в незнакомом месте» [Рубина, 2008, с. 223].

В отличие от Ташкента Алма-Ата, представленная в трилогии «Русская канарейка», относительно статична, несмотря на то, что сюжет захватывает достаточно большой временной отрезок: в романе описывается жизнь алма-атинской семьи в нескольких поколениях. Вначале сюжет строится вокруг истории мальчика Ильи, который живет с бабушкой в доме, расположенном в апортовых садах, на окраине Алма-Аты. Основные детские воспоминания мальчика связаны с яблоневыми садами и братом бабушки, Николаем Каблуковым, который прививает мальчику любовь к канарейкам. После смерти Николая дальнейшая жизнь Ильи предстает в форме отдельных кадров на фоне города: уже взрослый Илья, работающий в редакции республиканской пионерской газеты «Веселые отряды» на девятом этаже «бетонно-стеклянной башни, населенной редакциями чуть ли не всех казахстанских газет и журналов» [Рубина, 2020а, с. 66], встреча с Гюзаль на Медео, приобретение канарейки Желтухина Третьего, свадьба в ауле³, рождение дочери и смерть жены. Далее сюжет повествует о взрослении дочери Ильи Айи в том же городе: девочка гуляет в тех же апортовых садах, ходит на тот же каток в спортивном комплексе «Медео» заниматься фигурным катанием, выполняет фоторепортажи для той же газеты, где работает ее отец. Важным событием в жизни Ильи и его семьи становится приезд дальнего родственника из Лондона — Фридриха. Можно предположить, что появление Фридриха в городе происходит уже в период распада СССР, о чем можно судить по использованию названия страны «Казахстан», а не «Казахская ССР». Фридрих становится причиной ссоры между отцом и дочерью, но в то же время Илья осознает, что не должен удерживать уже повзрослевшую девушку рядом насильно, и Айя покидает город. Несмотря на то, что основные действия романа, связанные с Алма-Атой, описываются в первом томе трилогии, город эпизодически появляется во второй и третьей частях, в романах «Голос» и «Блудный сын» [Рубина, 2020б, 2020в].

В романе «Голос» главный герой трилогии Леон Этингер приезжает уже в современную Алма-Ату на поиски Айи. Бывшая объездная дорога Аль-Фараби становится центральным проспектом, исчезают апортовые сады. Айя рассказывает, что вырубка апортовых садов случилась «однажды осенью <...> за год до бабушкиной смерти» [Рубина, 2020б, с. 588], т. е. за год и до побега Айи из дома уже навсегда. Получается, что вырубка садов совпадает во времени с периодом стремительного взросления героини, тем самым совпадая с концом ее детства. Наблюдая за местами, вещами и людьми в городе, Леон сопоставляет их с рассказами Айи, восстанавливая образ города детства возлюбленной: «...вот высокие пороги, на которых она любила сидеть в детстве, вот печка, рассеявшаяся обоюдокруглым

³ Аул — традиционное поселение сельского типа, стойбище, община у тюркских народов Центральной Азии.

брюхом разом на обе комнаты, все узнаю, узнаю, узнаю...» [Рубина, 2020б, с. 582]. «Вообще, странно было видеть, как пространство ее детства постепенно собиралось и терпеливо, хотя и довольно стремительно, разворачивалось перед его глазами» [Там же, с. 579]. В третьей части трилогии «Русская канарейка» сама Айя возвращается к отцу в Алма-Ату, отчаявшись найти пропавшего Леона. Дома ее встречает счастливый Илья, для которого на время Айя вновь становится его любимой маленькой дочерью, отражением его жены Гули.

Подытоживая результаты проведенного анализа, можно сделать вывод, что образ Ташкента в романе «На солнечной стороне улицы» динамичен, город проходит несколько этапов развития в сюжете (прибежище, город-Вавилон, памятник дружбы народов и исчезнувшей цивилизации). Можно предположить, что такая динамика ташкентского образа связана как с определенными историческими процессами и событиями, так и с переменами отношения персонажей к городу. Что касается образа Алма-Аты в романе «Русская канарейка», он полностью статичен и связан с мотивом детства главной героини. Можно сказать, что Алма-Ата в этом романе трактуется как город-детство: для Ильи и Айи — их собственного, для Леона — детства возлюбленной. При этом мотив остается относительно неизменным: герои романа рождаются, взрослеют, меняются и покидают город, но в самом городе не происходит каких-то значимых событий или катаклизмов, влияющих на его образ.

И все-таки несмотря на то, что два города раскрыты писателем по-разному, так или иначе оба образа имеют связь с памятью. Поэтому можно сделать вывод, что в творчестве писательницы города советского востока в первую очередь являются местами ушедшего прошлого. Ташкент Д. Рубиной — город, живущий только в воспоминаниях персонажей и автора, является своеобразным следом прошедшей советской эпохи. Алма-Ата, изображенная в романе Д. Рубиной через призму детских воспоминаний персонажей, тоже представляет собой отпечаток прошлого, но в менее глобальном смысле, чем Ташкент. В романе «На солнечной стороне улицы» автор окончательно прощается с городом своей молодости, признавая, что настоящий Ташкент — это уже не тот город из ее воспоминаний. В трилогии «Русская канарейка» прощания и утраты города нет, но в то же время Алма-Ата как будто замирает во времени, сохраняя следы воспоминаний детства героини Айи до того момента, когда кто-то приедет в город, чтобы воскресить их.

Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социол. журн. 2012. № 4. С. 5–23.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 234–407.

Бурдин В. Интервью с Диной Рубиной // Forbes.kz. 2016. 2 сент. URL: https://forbes.kz/woman/dina_rubina_myi_ne_znaem_budut_li_chitat_nashi_vnuki (дата обращения: 19.02.2022).

Зиятдинова Д. Д. Национальный миф в построссийском творчестве Д. Рубиной : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014.

Иванова А. Н. Сибирский текст в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Наука и образование сегодня. 2018. № 5(28). С. 68–72.

Ланге Н. В. Топонимы в трилогии Д. И. Рубиной «Русская канарейка»: Одесса, Алма-Ата, Вена // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2019. № 7. С. 56–64.

Паранук К. Н. Роль и функции хронотопов дома и города в гендерном пространстве романов Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» и Л. Улицкой «Медея и ее дети» // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. 2019. № 4 (247). С. 91–97.

Рубина Д. И. Биография : [сайт Дины Рубиной]. URL: <http://www.dinarubina.com/index.html> (дата обращения: 19.02.2022).

Рубина Д. И. На солнечной стороне улицы. М., 2008.

Рубина Д. И. Русская канарейка : в 3 т. М., 2020а. Т. 1 : Желтухин.

Рубина Д. И. Русская канарейка : в 3 т. М., 2020б. Т. 2 : Голос.

Рубина Д. И. Русская канарейка : в 3 т. М., 2020в. Т. 3 : Блудный сын.

Серго Ю. Н. Постмодернистский диалог культур: образ Испании в романе Д. Рубиной «Последний кабан из лесов Понтеведра» // Филол. класс. 2007. № 17. С. 49–53.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : избр. тр. СПб., 2003.

Шабурова О. В. Ностальгия: через прошлое к будущему // Социемы. 1996. № 5. С. 42–55.

Шафранская Э. Ф. Современная русская литература: иноэтнокультурная проблематика : учебник для вузов. М., 2020.

Шафранская Э. Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М., 2010.

Юдсон М. Вера в Ра, или Новый Динабург // Новая карта русской литературы. 2008. 6 мая. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/vera-v-ra/dossier_5570/ (дата обращения: 19.02.2022).

Бойт S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge, 1994.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022 г.